

Персуазивный потенциал высказываний с формами футурума I в немецкоязычном политическом дискурсе

The Persuasive Potential of Futurum I Statements in German-Language Political Discourse

DOI: 10.12737/2587-9103-2025-14-5-79-85

Получено: 31 июля 2024 г. / Одобрено: 20 сентября 2024 г. / Опубликовано: 26 октября 2025 г.

М.П. Чуриков

Канд. филол. наук, доцент,
доцент кафедры «Иностранные языки»
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего
образования «Ростовский государственный
университет путей сообщения»;
Россия, 344038, Ростов-на-Дону, площадь
Ростовского Стрелкового Полка Народного
Ополчения, зд. 2,
ORCID ID: 0000-0001-7775-8731,
Researcher ID: AAI-1094-2021,
e-mail: maustag@mail.ru

М.Р. Чуриков

Candidate of Philology, Associate Professor,
Associate Professor of Department of Foreign
Languages,
Rostov State Transport University;
2, pl. Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo
Opolchenya, Rostov-on-Don, 344038, Russia,
ORCID ID: 0000-0001-7775-8731,
Researcher ID: AAI-1094-2021,
e-mail: maustag@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению воздействующего потенциала высказываний с формами футурума I в рамках реализации персуазивной стратегии в политическом дискурсе. Персуазивность представляет собой основополагающую характеристику политического дискурса и в прагмалингвистических исследованиях изучается в контексте реализации персуазивной стратегии. Среди средств вербализации персуазивной стратегии особое место занимают формы футурума I, которые благодаря сочетанию темпоральных и модальных свойств могут выражать намерение адресанта побудить адресата к осуществлению определенных действий или убедить его в необходимости их осуществления, что и составляет сущность персуазивной стратегии. Эмпирический материал исследования показывает, что высказывания с формами футурума I являются косвенными речевыми актами, иллоктивная сила которых заключается в призывае, побуждении, заверении, обещании, прогнозировании. Учет прагматических факторов и контекстуальных особенностей протекания коммуникации позволяет обнаружить и описать иллоктивную силу этих речевых актов, а также обосновать выбор высказываний с футурумом I для оказания максимального воздействия. Выявление прагматического потенциала высказываний с формами футурума I позволит глубже проникнуть в природу речевого воздействия и разработать эффективные способы убеждения, а также инструменты противодействия речевой манипуляции.

Ключевые слова: футурум I, речевое воздействие, персуазивная стратегия, речевой акт, иллоктивная сила, убеждение, политический дискурс.

Abstract

The article is devoted to the study of the persuasive potential of statements with futurum I forms in the context of the implementation of persuasive strategy in political discourse. Persuasiveness is a fundamental characteristic of political discourse and in pragmalinguistic studies it is studied in the context of the implementation of persuasive strategy. Among the means of verbalization of persuasive strategy, a special place is occupied by futurum I forms, which, due to the combination of temporal and modal properties, can express the addressee's intention to induce the addressee to perform certain actions or convince him of the need to implement them, which is the essence of persuasive strategy. The empirical material of the study shows that statements with futurum I forms are indirect speech acts, the illocutionary force of which lies in the appeal, incentive, assurance, promise, forecasting. Taking into account pragmatic factors and contextual features of the communication flow allows us to discover and describe the illocutionary force of these speech acts, as well as to justify the choice of statements with futurum I to provide maximum impact. Identifying the pragmatic potential of statements with futurum I forms will allow us to penetrate deeper into the nature of speech influence and develop effective methods of persuasion, as well as tools to counteract speech manipulation.

Keywords: futurum I, speech impact, persuasive strategy, speech act, illocutionary force, persuasion, political discourse.

Введение

Воздействие на адресата выступает как фундаментальная характеристика политического дискурса, заключающаяся в формировании определенного общественного мнения, создании желаемой социально-политической обстановки, в побуждении к необходимым действиям. Персуазивность представляет собой неотъемлемый компонент политической коммуникации, а формы футурума I, обозначая не только действие в будущем (темперальное значение),

но и демонстрируя широкий диапазон модальных значений (предположение, предсказание, обещание, заверение, убеждение и др.), выступают в качестве одних из средств вербализации персуазивной интенции.

Цель настоящего исследования заключается в определении воздействующей функции и описании прагматического потенциала форм футурума I в немецкоязычном политическом дискурсе в рамках реализации персуазивной стратегии. Для достижения

поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) рассмотреть функциональные и прагмалингвистические особенности политического дискурса; 2) охарактеризовать действующий потенциал персузивной стратегии в политическом дискурсе; 3) проанализировать эмпирический материал и выявить иллокутивную силу и персузивный потенциал высказываний с формами футурума I в публичных выступлениях немецких политиков.

Актуальность работы обусловлена открывающимися возможностями по выявлению и изучению действующей силы лексических единиц и грамматических конструкций в политическом дискурсе, а также по идентификации коммуникативных интенций политических деятелей. Это позволит в конечном итоге глубже осознать манипулятивный характер политического дискурса и раскрыть механизмы воздействия на массовую аудиторию. Возможность правильно идентифицировать коммуникативное намерение политика и при необходимости разработать эффективный инструмент противодействия манипулятивному воздействию составляет практическую значимость настоящего исследования.

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных исследователей в области определения институциональных, функциональных, когнитивно-прагматических характеристик политического дискурса [9; 14; 26–28], речевоздействующего потенциала политической коммуникации [17; 20; 24; 29; 32], а также семантики и прагматики категории футуральности и средств ее выражения [2; 7; 18; 30; 33].

Материалом исследования послужили тексты публичных выступлений немецких государственных деятелей: Олафа Шольца (федеральный канцлер с 8 декабря 2021 г. по 6 мая 2025 г.), Фридриха Мерца (федеральный канцлер с 6 мая 2025 г.) и Франка-Вальтера Штайнмайера (федеральный президент с 19 марта 2017 г.). Тексты выступлений опубликованы в период с декабря 2024 по июнь 2025 г. и находятся в открытом доступе на официальных страницах в сети Интернет (www.bundeskanzler.de и www.bundespraesident.de). В общей сложности были рассмотрены тексты 48 выступлений, из которых методом сплошной выборки было выделено 135 высказываний с формами футурума I, которые были проанализированы на предмет содержащихся в них интенций и действующего потенциала с использованием методов прагматического анализа, контент-анализа и контекстуального анализа.

Обзор источников

Персузивное речевое воздействие в политическом дискурсе

Постулат о том, что использование языка предполагает воздействие на восприятие окружающей действительности и является способом ее структурирования [5, с. 91], дает нам основание говорить о том, что речевое высказывание можно рассматривать с позиций категории персузивности. Персузивность традиционно трактуется как «воздействие автора устного или письменного сообщения на адресата с целью убедить в чем-либо, призвать совершать или не совершать те или иные действия» [24, с. 25]. Персузивность как функционально-прагматическая характеристика дискурса определяет характер ментально-речевого взаимодействия между коммуникантами, когда адресант предпринимает попытку вербально воздействовать на сознание адресата с целью побудить его к совершению «определенных посткоммуникативных действий» [11, с. 15]. Основное предназначение политического дискурса, рассматриваемого в качестве инструмента политической власти [27, с. 36], состоит в том, чтобы внушить аудитории необходимое «политически правильное» мнение и побудить к «политически правильным» действиям [14, с. 117]. Таким образом, на первый план выходят побудительная (апеллятивная) и аргументативная (персузивная) функции [9, с. 43–47; 26, с. 93]. Именно персузивность рассматривается как «имманентная характеристика политического дискурса» [10, с. 18–19], проявляющаяся в навязывании адресату определенной идеи и убеждении его в необходимости принять и разделить эту идею.

В рамках функциональной прагматики персузивный характер коммуникации раскрывается в контексте многочисленных речевых стратегий, в основе которых лежит рассмотрение высказывания через призму иллокутивного и перлокутивного этапа реализации речевого акта. Если перлокутивный этап речевого акта свидетельствует о тех изменениях, которые происходят в сознании и поведении адресата в результате понимания смысла высказывания, то иллокутивный этап речевого акта содержит коммуникативное намерение отправителя сообщения, которое обуславливает выбор адресантом определенных языковых единиц для оказания максимально эффективного воздействия на адресата [16, с. 52–54].

О.Л. Михалёва [17, с. 43], рассматривая манипулятивное воздействие в политическом дискурсе, выделяет стратегию театральности (стремление оказать воздействие на электорат). Стратегия театральности, по всей видимости, заключается в том, что политики, словно актеры в театре, всегда играют определенную политическую роль и стремятся таким

образом представить себя, свои намерения, своих сторонников и оппонентов в необходимом, «правильном», для аудитории свете, преднамеренно и умело инсценируя свои действия [31]. Успешная реализация стратегии театральности подразумевает наличие «зрителя» (народ, общество, граждане), на которого нужно произвести впечатление (побудить и убедить) [17, с. 57]. К стратегиям театральности, на наш взгляд, можно отнести стратегии, объединенные универсальным признаком персуазивности: стратегия объективного (воздействие на разум) и субъективного (воздействие на чувства) аргументирования [19, с. 64]; стратегия аргументативного и суггестивного воздействия [15, с. 228]; стратегия оценочного информирования [23, с. 80]; стратегия эмоционального резонанса [13, с. 18] и др.

Для вербализации персуазивных речевых стратегий широко используются различные языковые средства: лексические единицы с семантикой убеждения, стилистические приемы (метафоры, средства образности), синтаксические модели (параллелизм, повтор и др.) [19, с. 65; 21, с. 432–433; 25, с. 68–69]. В рамках нашего исследования мы рассмотрим высказывания с формами футурума I, иллокуттивная сила которых заключается в коммуникативном намерении политического деятеля политика побудить адресата к определенным действиям, убедить его в необходимости осуществить эти действия (как физические, так и ментальные), в том числе посредством обещания материальных или нематериальных благ.

Дискуссия

Экспликация персуазивного потенциала в высказываниях с формами футурума I

Футурум I представляет собой конструкцию *werden* + *Infinitiv I* и традиционно служит для выражения действий в будущем, то есть обладает темпоральным значением. Но поскольку действия в будущем мыслятся как ожидаемые и вероятностные, то неверифицируемая природа будущего обуславливает широкий спектр различных оттенков отношения субъекта речи к будущему [2, с. 70–71; 7, с. 32–33; 18, с. 476]. Рассматривая вопросы семантики футурума I, исследователи отмечают способность данной формы легко приобретать ситуативно или контекстуально обусловленное модальное значение [30, с. 401; 33, с. 177–178]. В зависимости от фоновых знаний говорящих, их социального статуса, степени информированности об обсуждаемых событиях формы футурума I приобретают значения предположения, прогноза, сомнения, обещания, заверения, побуждения, призыва и др. [18, с. 477–479].

Следуя постулатам теории речевых актов, мы можем утверждать, что высказывания с формами фу-

турума I обладают определенной иллокуттивной силой или функцией, которая эксплицируется в соответствующих речевых актах. Е.В. Боднарук, разрабатывая классификацию речевых актов с семантикой футуральности, опирается в своих рассуждениях на концепцию немецкого исследователя В. Вольфа, который выделил следующие основные типы речевых актов с футуральной семантикой, вербализуемой формами футурума I: намерение (*Kundgabe*), обещание (*Versprechen*), требование (*Aufforderung*) и предсказание (*Vorhersage*) [6, с. 66]. По нашему мнению, иллокуттивная сила в речевом акте *Kundgabe* (нем.: оповещение, оглашение, обнародование) заключается скорее всего в информировании о событии в будущем, а в речевом акте *Aufforderung* (нем.: приглашение, вызов, требование что-л. сделать) эксплицируется, по всей видимости, побуждение, призыв адресата к выполнению определенных действий.

В отличие от высказываний с перформативными глаголами, которые именуют выполняемое действие и тем самым однозначно эксплицируют коммуникативное намерение, высказывания с формами футурума I представляют собой речевые акты с имплицитно вербализуемой иллокуттивной силой. Это обусловлено тем, что коммуникативная цель высказывания редко называется прямо, особенно в политическом дискурсе, а проясняется только в ситуации речевого общения. Для понимания того смысла, который политик вкладывает в свое высказывание, необходимо учитывать контекст и pragматический фокус, то есть дискурсивно обусловленный выбор языковых единиц для достижения максимальной эффективности общения [22, с. 72].

Анализ эмпирического материала позволяет нам утверждать, что высказывания с формами футурума I немецкие политики в своих выступлениях используют для экспликации побуждения (призыва), заверения (убеждения), обещания и предсказания (прогнозирования) в рамках реализации речевых тактик побуждения, самопрезентации, размежевания и обещания [3, с. 407–408].

Иллокуттивная сила побуждения заключается в стремлении адресанта побудить адресата к осуществлению определенных действий, рассматриваемых «как важная часть общественно значимой деятельности, способствующей достижению некоторых идеалов» [4, с. 420]. Типичными языковыми средствами реализации побудительной интенции выступают формы повелительного наклонения, но в политическом дискурсе побуждение приобретает завуалированный и инклузивный характер, предполагающий участие самого политика в декларируемых действиях. Местоимение *wir* служит своеобразным маркером общности интересов и целей [22, с. 72], обозначая

при этом самый широкий круг лиц, а само побуждение выражается косвенно, через призму причинно-следственных отношений (каузативности) [12, с. 267].

(1) *Wir werden die Bundeswehr weiter stärken, und wir werden mehr in unsere Verteidigungsindustrie investieren. Wir werden mit allen Kräften unsere Verpflichtungen für die Regionalpläne der NATO erfüllen. Wir werden auch weiterhin der größte Unterstützer der Ukraine in Europa sein und eintreten für ihre Freiheit, ihre Souveränität und ihre europäische Zukunft. Und wir werden danach streben, dass Deutschland, mit seinen Streitkräften und seiner Infrastruktur, das Rückgrat der konventionellen Verteidigung in Europa wird* (Франк-Вальтер Штайнмайер, 28.04.2025).

Побудительная интенция в примере (1) эксплицируется через употребление форм футурума I в сочетании с лексическими индикаторами необходимости выполнения действий *weiter, mehr, mit allen Kräften, weiterhin*. Федеральный президент указывает на то, что прилагаемых усилий по обеспечению безопасности Европы и Германии и поддержке Украины недостаточно, и призывает к более масштабным действиям по укреплению обороноспособности страны, финансированию оборонной промышленности и соблюдению договоренностей перед союзниками по блоку НАТО. Используемый прием синтаксического параллелизма усиливает персуазивный эффект данного высказывания и добавляет ему эмоциональности и экспрессивности.

Персуазивный эффект высказываний с формами футурума I также ярко проявляется при реализации тактики самопрезентации, которая справедливо позиционируется как центральная речевоздействующая тактика политического дискурса [22, с. 72]. Тактика самопрезентации тесно переплетается с тактикой размежевания [3, с. 407], когда политик противопоставляет себя своим политическим оппонентам, выставляя собственную персону и собственную позицию в более выгодном свете.

(2) *Deshalb werden wir es nicht akzeptieren, wenn Außenstehende zugunsten dieser Partei in unsere Demokratie, in unsere Wahlen und in die demokratische Meinungsbildung eingreifen* (Олаф Шольц, 15.02.2025).

Иллоктивная сила высказывания в примере (2) заключается в стремлении экс-бундесканцлера заверить аудиторию в том, что он не допустит вмешательства представителей сторонних партий в выборы и демократическое формирование общественного мнения. Олаф Шольц противопоставляет свою партию политическим противникам, которые посягают на демократические принципы. Персуазивный эффект достигается за счет импликации уверенности адресанта в осуществлении будущих действий, что при-

существует высказываниям с предельными глаголами в формах футурума I [22, с. 74].

Персуазивный характер высказываний с иллоктивной силой обещания заключается в том, что адресант берет на себя обязательства совершить (или не совершить) какие-либо действий в будущем и декларирует свое намерение совершить (или не совершить) эти действия в интересах адресата [3, с. 407–408; 6, с. 69; 22, с. 75]. Такие высказывания представляют собой «имплицитный комиссивный речевой акт», где иллоктивная часть, выражаемая перформативным глаголом «обещать», не эксплицируется, а проявляется только пропозитивная часть, обладающая футуральной направленностью [8, с. 65–66].

(3) *Wir werden außerdem alles daran setzen, die Sicherheit auf Straßen, Plätzen und Volksfesten in unserem Land weiter zu erhöhen* (Олаф Шольц, 18.01.2025).

В примере (3) pragmaticальная ситуация затрагивает адресата: повышение безопасности во время проведения массовых мероприятий затрагивает каждого жителя, поэтому Олаф Шольц обещает прилагать все усилия для обеспечения безопасности. Употребление местоимения *alles* (всё) усиливает персуазивный эффект обещания, указывая на недостаточность осуществляемых на момент выступления действий, и, как следствие, на намерение в обязательном порядке исправить ситуацию.

Высказывания с интенцией обещания, в которых отсутствует «выгодоприобретатель», приобретают характер провозглашения запланированного действия, информирования о предстоящих событиях. Адресант оценивает будущее с позиции его возможности или невозможности, манифестируя тем самым намерение что-то предсказать, предположить, убедить, выразить сомнение или опасение относительно перспектив осуществления будущего действия [6, с. 68]. В pragmaticальном фокусе таких высказываний оказывается не адресат, потому что его заинтересованность в осуществлении будущих действий не имплицируется, а предполагаемое положение дел в будущем [22, с. 75].

(4) *Wir werden auch in Zukunft neue amerikanische Rüstungsgüter kaufen* (Олаф Шольц, 15.02.2025).

В примере (4) содержится предположение Олафа Шольца о том, что Германии и в будущем придется приобретать американское вооружение. Предположительный характер высказывания эксплицируется через форму футурума I: действие относится к будущему и никто с уверенностью не сможет сказать, произойдет ли манифестируемое событие или нет. В качестве маркера персуазивности можно, на наш взгляд, отметить наречие *auch*, которое подчер-

кивает permanentный характер действия: покупали, покупаем и будем покупать.

Высказывания, в которых политический деятель не является агентом, то есть субъект не выражается местоимениями 1 лица единственного (*ich*) или множественного (*wir*) числа, очевидно, демонстрируют различные оттенки субъективной модальности, когда адресант с различной степенью уверенности и, следовательно, убедительности вербализует свое отношение к действиям и событиям в будущем. Как указывает А.В. Аверина, такие высказывания в политическом дискурсе «зачастую звучат пророчески», поскольку адресант, показывая свою осведомленность о грядущих событиях, опирается на собственный опыт, имеющиеся в его распоряжении сведения и факты [1, с. 291–292].

(5) *Ja, wir brauchen klarere Regeln für Migration nach Europa, aber die ganze Wahrheit ist doch: Deutschland wird auch in Zukunft auf Zuzug und Einwanderung angewiesen sein* (Франк-Вальтер Штайнмайер, 11.04.2025).

В примере (5) федеральный президент говорит о необходимости более прозрачного регулирования миграционной политики в Европе и высказывает предположение о том, что Германия в будущем будет зависеть от притока мигрантов. Предположение основывается на знании того факта, что несмотря на ужесточение миграционного законодательства, Германия не сможет полностью отказаться от мигрантов.

Рассмотренные примеры, конечно, не претендуют на исчерпывающую иллюстрацию всего спектра коммуникативных интенций, вербализуемых в формах футурума I, но дают представление о том, что высказывания с футуральной направленностью широко применяются в политическом дискурсе и выступают как эффективное средство персуазивного воздействия.

Результаты и выводы

Формы футурума I демонстрируют значительный pragматический потенциал, а одним из ключевых

свойств этих форм является их способность оказывать убеждающее воздействие. Персуазивность рассматривается как основополагающая характеристика политического дискурса. Высказывания с футуральной направленностью служат для выражения различных коммуникативных интенций персуазивной направленности: побуждение, призыв к действию, заверение, обещание, прогнозирование и предположение. Это свойство обусловливается, прежде всего, тем фактом, что формы футурума I сочетают в себе как темпоральные, так и модальные характеристики.

Функционирование форм футурума I в политическом дискурсе целесообразно рассматривать в контексте реализации персуазивных стратегий, которые понимаются как инструмент оказания воздействия на адресанта с целью побудить его к совершению определенных действий или убедить в необходимости осуществления этих действий. Речевые тактики как этапы реализации персуазивных стратегий представляют собой речевые акты, иллокуттивная сила которых заключается в вербализации коммуникативного намерения побуждения, призыва, убеждения, обещания и т.д. В политическом дискурсе эти речевые акты носят косвенный характер, то есть коммуникативное намерение содержится в них имплицитно. Поэтому для понимания того, какой смысл политик вкладывает в свое высказывание, какая иллокуттивная сила содержится в высказывании, необходимо учитывать pragматическую ситуацию коммуникации и контекстуальное окружение.

Проведенная работа не претендует на полноту рассмотрения поставленной проблемы. Полученные результаты, скорее, являются приглашением к дискуссии и намечают дальнейшие перспективы исследования, связанные с выявлением, описанием и анализом персуазивного потенциала высказываний с формами футурума I.

Литература

1. Аверина А.В. Виды модальных значений в немецком языке, передаваемых формой *Futur I* [Текст] / А.В. Аверина // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. — 2021. — Т. 18. — С. 284–303.
2. Аверина А.В. Межкатегориальная взаимосвязь темпоральных и модальных значений в системе выражения будущего времени в немецком и русском языках [Текст] / А.В. Аверина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. — 2021. — № 3. — С. 69–78. — DOI: 10.18384/2310-712X-2021-3-69-78
3. Акопова Д.Р. Стратегии и тактики политического дискурса [Текст] / Д.Р. Акопова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2013. — № 6-1. — С. 403–409.
4. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика [Текст] / А.Н. Баранов. — М.: Флинта : Наука, 2007. — 592 с.
5. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти [Текст] / Р.М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия: Сборник статей. — М.: Прогресс, 1987. — С. 88–125.
6. Боднарук Е.В. Классификация речевых актов с футуральной семантикой (на материале немецкого языка) [Текст] / Е.В. Боднарук // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2015. — № 2. — С. 62–75.
7. Боднарук Е.В. Будущее время и средства его экспликации в немецком языке [Текст] / Е.В. Боднарук // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2018. — № 53. — С. 32–47. — DOI: 10.17223/19986645/53/3

8. Былина Е.Э. Анализ конструкций для выражения обещания в современном английском языке [Текст] / Е.Э. Былина // Филология, лингвистика и лингводидактика в современном обществе: Сборник материалов международной научной конференции. — Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2024. — С. 64–69.
9. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика [Текст] / Р. Водак. — Волгоград: Перемена, 1997. — 139 с.
10. Воронина Л.В. Когнитивные механизмы персуазивности политического дискурса [Текст] / Л.В. Воронина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2023. — Т. 15. — № 1. — С. 17–27. — DOI: 10.17072/2073-6681-2023-1-17-27
11. Голоднов А.В. Персуазивность как универсальная стратегия текстообразования в риторическом метадискурсе (на материале немецкого языка) [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / А.В. Голоднов. — СПб., 2011. — 42 с.
12. Гочева И.В. Концептуальный анализ побуждения (на материале русского и английского языков) [Текст] / И.В. Гочева // Неофилология. — 2021. — Т. 7. — № 26. — С. 264–269. — DOI: 10.20310/2587-6953-2021-7-26-264-269
13. Гусева О.А. Условия реализации стратегии эмоционального резонанса в политическом манипулятивном дискурсе [Текст] / О.А. Гусева // Lingua Mobilis. — 2009. — № 5. — С. 118–129.
14. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ [Текст] / В.З. Демьянков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие. — М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003. — С. 116–133.
15. Жарина О.А. Суггестивная стратегия моделирования хронотопа в политическом дискурсе современного зарубежного медиапространства [Текст] / О.А. Жарина, А.А. Дмитрова // Балтийский гуманитарный журнал. — 2019. — Т. 8. — № 4. — С. 227–231. — DOI: 10.26140/bgz3-2019-0804-0050
16. Матвеева Г.Г. Два направления в современной прагмалингвистике [Текст] / Г.Г. Матвеева, И.В. Самарина, Л.Н. Селиверстова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. — 2009. — № 1-2. — С. 50–57.
17. Михалёва О.Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия [Текст] / О.Л. Михалёва. — М.: ЛИБРОКОМ, 2009. — 256 с.
18. Насырова Э.А. Соотношение семантических признаков модальности и темпоральности в форме немецкого футурума [Текст] / Э.А. Насырова // Вестник Башкирского университета. — 2013. — Т. 18. — № 2. — С. 476–482.
19. Полуйкова С.Ю. Персуазивные стратегии в современном просветительском дискурсе [Текст] / С.Ю. Полуйкова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2010. — № 4. — С. 63–67.
20. Руженцева Н.Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе [Текст] / Н.Б. Руженцева. — Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 2004. — 294 с.
21. Рюкова А.Р. Языковые способы реализации персуазивности [Текст] / А.Р. Рюкова, Е.А. Филимонова // Вестник Башкирского университета. — 2016. — Т. 21. — № 2. — С. 431–435.
22. Смирнова Т.Ю. Грамматические единицы в прагматическом фокусе публичных выступлений политиков [Текст] / Т.Ю. Смирнова // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете: Типология речевых жанров. Выпуск VIII. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2019. — С. 68–79.
23. Степанова Н.В. Персуазивность vs эвазивность: стратегии в современном политическом интервью [Текст] / Н.В. Степанова // Дискурс. — 2019. — Т. 5. — № 3. — С. 79–89. — DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-3-79-89
24. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия [Текст] / В.Е. Чернявская. — М.: Флинта, 2006. — 136 с.
25. Чернявская В.Е. Программа политической партии как персуазивный текст [Текст] / В.Е. Чернявская, И.Ю. Логинова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2005. — Т. 5. — № 11. — С. 64–75.
26. Чудинов А.П. Политическая лингвистика [Текст] / А.П. Чудинов. — М.: Флинта, 2008. — 254 с.
27. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса [Текст] / Е.И. Шейгал. — М.: Гнозис, 2004. — 324 с.
28. Borst T. Sprachpragmatische Überlegungen zur Funktion und zum Typus parlamentarischer Redehandlungen. In: Die Praxis in der Präsentation. Sozialwissenschaft. Wiesbaden: Deutscher Universitätsverlag, 1999, pp. 21–38. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-322-81261-2_3
29. Kamps K. Kommunikationsmanagement und Regierungs-PR. In: Korte, KR., Florack, M. (eds) Handbuch Regierungsforschung. Wiesbaden: Springer VS, 2022, pp. 521–530. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-658-30071-5_49
30. Lenerz J. Werden und das deutsche Futur. In: Sprache im Fokus. Festschrift für Heinz Vater zum 65. Geburtstag. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1997, pp. 399–412.
31. Meyer T. Die Theatralität der Politik in der Mediendemokratie. In: Aus Politik und Zeitgeschichte [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/apuz/27196/die-theatralitaet-der-politik-in-der-mediendemokratie> (дата обращения: 17.06.2025).
32. Palasic N. Persuasive Strategien und Sprachelemente im politischen Wahlkampf in Österreich. Dissertation. Universität Wien, 2014, pp. 48–49.
33. Steube A. Temporale Bedeutung im Deutschen. Berlin: Akademie-Verlag, 1980. 219 р.

Источники

1. Steinmeier F.-W. Sie können auf Deutschland zählen (Rede vom 28. April 2025) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Frank-Walter-Steinmeier/Reden/2025/04/250428-NATO-Beitritt.html> (дата обращения: 10.06.2025).
2. Scholz O. Dies muss die Stunde Europas sein (Rede vom 15. Februar 2025) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/rede-kanzler-msc-2335200> (дата обращения: 10.06.2025).
3. Scholz O. Volkstage bringen uns zusammen (Rede vom 18. Januar 2025) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/suche/kanzler-scholz-gratuliert-schaustellerbund-2330874> (дата обращения: 10.06.2025).
4. Steinmeier F.-W. Ohne Einbürgerungen wäre unser Land in vieler Hinsicht ärmer (Rede vom 11. April 2025) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Frank-Walter-Steinmeier/Reden/2025/04/250411-Koeln-Einbuergerungsfeier.html> (дата обращения: 10.06.2025).

References

1. Averina A.V. Types of Modal Meanings in German Encoded by the Form Futur I // Russkaja germanistika: Ezhegodnik Rossijskogo sojusa germanistov [Russian German Studies: Yearbook of the Russian Union of Germanists]. 2021, vol. 18, pp. 284–303 (in Russian).
2. Averina A.V. Categorial Interconnection of Temporal and Modal Meanings in the System of Future Tense Expression in German and Russian // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics]. 2021, vol. 3, pp. 69–78. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-3-69-78 (in Russian).
3. Akopova D.R. Strategies and Tactics of a Political Discourse // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod]. 2013, vol. 6-1, pp. 403–409 (in Russian).
4. Baranov A.N. Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika [Linguistic Examination of the Text: Theory and Practice]. Moscow, Flinta:Nauka Publ., 2007. 592 p (in Russian).

5. Blakar R.M. Language as a Means of Social Power // *Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodejstviya: Sbornik statej [Language and Modeling of Social Interaction: Collection of Articles.]*. Moscow, Progress Publ., 1987, pp. 88–125 (in Russian).
6. Bodnaruk E.V. Classification of Speech Acts with Future Semantics (in the German Language) // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism].* 2015, vol. 2, pp. 62–75 (in Russian).
7. Bodnaruk E.V. Future Time Reference and the Means of Its Explication in the German Language // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Tomsk State University Journal of Philology].* 2018, vol. 53, pp. 32–47. DOI: 10.17223/19986645/53/3 (in Russian).
8. Bylina E.E. The Analysis of Constructions Expressing a Promise in the Modern English // *Filologiya, lingvistika i lingvodidaktika v sovremenном obshchestve: Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii [Philology, Linguistics and Linguodidactics in Modern Society. Proc. of the International Scientific Conference].* Yelets, I.A. Bunin Yelets State University. 2024, pp. 64–69 (in Russian).
9. Wodak R. *Yazyk. Diskurs. Politika [Language. Discourse. Politics]*. Volgograd, Peremena Publ., 1997. 139 p (in Russian).
10. Voronina L.V. Persuasiveness of Political Discourse: Cognitive Mechanisms // *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology].* 2023, vol. 15, no. 1, pp. 17–27. DOI: 10.17072/2073-6681-2023-1-17-27 (in Russian).
11. Golodnov A.V. Persuazivnost' kak universal'naya strategiya tekstoobrazovaniya v ritoricheskem metadiskurse (na materiale nemetskogo jazyka). Dokt. Diss. [Persuasiveness as a Universal Strategy of Text Formation in Rhetorical Metadiscourse (Based on the Material of the German Language) Doct. Diss.]. Saint-Petersburg, 2011. 42 p.
12. Gocheva I.V. Conceptual Analysis of Motivation (Based on the Russian and English Languages) // *Neofilologiya [Neophilology].* 2021, vol. 7, no. 26, pp. 264–269. DOI: 10.20310/2587-6953-2021-7-26-264-269 (in Russian).
13. Guseva O.A. Conditions for Implementing the Strategy of Emotional Resonance in Political Manipulative Discourse // *Lingua Mobilis.* 2009, vol. 5, pp. 118–129 (in Russian).
14. Demyankov V.Z. Interpretation of Political Discourse in the Media // *Yazyk SMI kak ob'ekt mezdhdisciplinarnogo issledovaniya: uchebnoe posobie [Language of the Media as an Object of Interdisciplinary Research: Textbook].* Moscow, Lomonosov Moscow State University, 2003, pp. 116–133 (in Russian).
15. Zharina O.A., Dmitrova A.A. Suggestive Chronotope Formation Strategy in Political Discourse of the Modern Foreign Media Space // *Baltijskij gumanitarnyj zhurnal [Baltic Humanitarian Journal].* 2019, vol. 8, no. 4(29), pp. 227–231. DOI: 10.26140/bgz3-2019-0804-0050 (in Russian).
16. Matveeva G.G., Samarina I.V., Seliverstova L.N. The Two Directions in Modern Pragmalinguistics // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psihologiya. Sotsiologiya. Pedagogika [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy].* 2009, vol. 1–2, pp. 50–57 (in Russian).
17. Mikhaleva O.L. Politicheskij diskurs: spetsifika manipulyativnogo vozdejstviya [Political Discourse: the Specifics of Manipulative Influence]. Moscow, Knizhnyj dom «LIBROKOM» Publ., 2009. 256 p (in Russian).
18. Nasyrova E.A. Correlation of Semantic Markers of Modality and Temporality in Future Tense in German // *Vestnik Bashkirskogo universiteta [Bulletin of Bashkir University].* 2013, vol. 18, no. 2, pp. 476–482 (in Russian).
19. Polujkova S.J. Persuasive Strategies of the Modern Enlightenment Discourse // *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology].* 2010, vol. 4, pp. 63–67 (in Russian).
20. Ruzhentseva N.B. *Diskreditiruyushchie taktiki i priemy v rossiskom politicheskom diskurse [Discrediting Tactics and Techniques in Russian Political Discourse].* Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University, 2004. 294 p (in Russian).
21. Ryukova A.R., Filimonova E.A. Linguistic Means of Expressing Persuasive Impact // *Vestnik Bashkirskogo universiteta [Bulletin of Bashkir University].* 2016, vol. 21, no. 2, pp. 431–435 (in Russian).
22. Smirnova T.Yu. Grammatical Units in the Pragmatic Focus of Public Speeches by Politicians // *Nemeckaya filologiya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete: Tipologiya rechevykh zhanrov. Vypusk VIII [German Philology in St. Petersburg State University. VIII. Typology of Speech Genres].* Saint-Petersburg, Saint-Petersburg State University Publ., 2019, pp. 68–79 (in Russian).
23. Stepanova N.V. Persuasion vs Evasion: Strategies in Political Interview // *Diskurs [Discourse].* 2019, vol. 5, no. 3, pp. 79–89. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-3-79-89 (in Russian).
24. Chernyavskaya V.E. *Diskurs vlasti i vlast' diskursa. Problemy rechevogo vozdejstviya [Discourse of Power and the Power of Discourse. Problems of Speech Influence].* Moscow, Flinta Publ., 2006. 136 p (in Russian).
25. Chernyavskaya V.E., Loginova I.Yu. A Political Party Programme as a Persuasive Text // *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences].* 2005, vol. 5, no. 11, pp. 64–75 (in Russian).
26. Chudinov A.P. *Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics].* Moscow, Flinta Publ., 2008. 254 p (in Russian).
27. Sheigal E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of Political Discourse].* Moscow, Gnozis Publ., 2004. 324 p (in Russian).
28. Borst T. Sprachpragmatische Überlegungen zur Funktion und zum Typus parlamentarischer Redehandlungen. In: *Die Praxis in der Präsentation. Sozialwissenschaft.* Wiesbaden: Deutscher Universitätsverlag, 1999, pp. 21–38. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-322-81261-2_3
29. Kamps K. Kommunikationsmanagement und Regierungs-PR. In: Korte, KR., Florack, M. (eds) *Handbuch Regierungsforschung.* Wiesbaden: Springer VS, 2022, pp. 521–530. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-658-30071-5_49
30. Lenerz J. Werden und das deutsche Futur. In: *Sprache im Fokus. Festschrift für Heinz Vater zum 65. Geburtstag.* Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1997, pp. 399–412.
31. Meyer T. Die Theatralität der Politik in der Mediendemokratie. In: *Aus Politik und Zeitgeschichte [Electronic resource].* URL: <https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/apuz/27196/die-theatralitaet-der-politik-in-der-mediendemokratie> (accessed: 17.06.2025).
32. Palasic N. *Persuasive Strategien und Sprachelemente im politischen Wahlkampf in Österreich.* Dissertation. Universität Wien, 2014, pp. 48–49.
33. Steube A. Temporale Bedeutung im Deutschen. Berlin: Akademie-Verlag, 1980. 219 p.